

УДК 343.6

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА, СОВЕРШЕННОГО С ОСОБОЙ ЖЕСТОКОСТЬЮ

*Н.П. Попова, канд.юрид.наук
БрГУ, Братск*

Совершение любого противоправного деяния особо жестоким способом всегда вызывает не только общественный резонанс, но и полемику на страницах юридической литературы, поскольку особая жестокость относится к числу оценочных понятий в уголовно-правовой доктрине. Именно это обстоятельство вызывает определенные сложности при квалификации содеянного среди правоприменителей.

Ключевые слова: убийство, особая жестокость, причинение невероятных тяжких страданий и мучений потерпевшему, особые физические и (или) психические страдания, множественность ранений, беспомощное состояние потерпевшего, глумление над трупом.

На протяжении всей истории русского государства убийство признавалось и признается одним из самых тяжких преступлений. Лишение жизни человека является само по себе жестоким противоправным деянием, однако законодатель, выделяя особую жестокость в качестве квалифицирующего признака, тем самым акцентирует внимание на совершении убийства конкретным способом, с присутствием только ему установленными критериями, что, в свою очередь, является основанием для усиления уголовной ответственности.

Лишение жизни особо жестоким способом сопряжено с причинением потерпевшему необычайно тяжких страданий и мучений, о чем может свидетельствовать, в частности, длительность процесса совершения незаконного деяния, нанесение большого количества ранений, сожжение заживо, постепенное отсечение частей тела, использование средств или орудий, применение которых объективно не может привести к немедленной смерти жертвы, длительное лишение воды, пищи, тепла и т. п.

Изучение архивных материалов уголовных дел позволило автору данной статьи сделать вывод, что в судебной практике наличие особой жестокости нередко связывают с причинением пострадавшему большого количества ранений, что не

всегда следует считать критерием особо жестокого способа совершения преступления, так как нанесение жертве большого количества ран может быть вызвано исключаящими наличие особой жестокости обстоятельствами. Проблема множественности ранений является предметом полемики на доктринальном уровне, поскольку в уголовно-правовой литературе не существует единого мнения относительно данного вопроса.

Так, Н.Ф. Кузнецова считает, что для квалификации содеянного как убийства с особой жестокостью необходимо установить, во-первых, тот факт, что выбранный способ умерщвления являлся объективно мучительным для жертвы, во-вторых, желание либо допущение субъектом именно такого способа убийства [1].

Однако, с точки зрения М.К. Анианца, убийство путем нанесения большого количества ран, независимо от того, нанесли ли таковые в течение продолжительного времени или нескольких минут, со значительными промежутками времени либо непосредственно одно за другим, являлось ли каждое из ранений смертельным или нет, наступила смерть мгновенно или через некоторое время, должно квалифицироваться как совершенное с особой жестокостью. Как полагает М.К. Анианц, множественность ударов в любом случае свидетельствует о наличии в

действиях виновного особой жестокости. Согласно мнению названного автора, большое количество ранений, причиненных потерпевшему, является достаточным основанием для признания убийства совершенным с особой жестокостью даже в том случае, если пострадавший потерял сознание от первых ударов и в силу этого не претерпевал особых мучений и страданий [2].

Мы не разделяем позицию М.К. Анианца по следующим основаниям. Как мы полагаем, при определении наличия особой жестокости в содеянном причинение многочисленных ранений потерпевшему необходимо связывать с умыслом виновного лица. Установление факта причинения большого количества ранений не является основанием для квалификации содеянного особо жестоким способом. Правоприменителю необходимо доказать, что виновный действовал с умыслом, направленным на совершение преступления с особой жестокостью. Так, если преступник в процессе содеянного наносит многочисленные раны жертве, сознавая, что тем самым причиняет ей излишние мучения, то в подобных случаях следует говорить об особо жестоком способе совершения преступления даже если потерпевший потерял сознание при нанесении первых ударов.

В любом случае, сотрудники следствия и суды, устанавливая наличие особой жестокости в действиях виновного лица, должны сопоставлять факт множественности ранений с другими обстоятельствами конкретного уголовного дела, свидетельствующими о том, что умыслом виновного охватывалось причинение потерпевшему особых физических или моральных страданий в процессе нанесения большого количества ранений.

Нам представляется верным мнение авторов [3], которые полагают, что при решении вопроса относительно наличия в действиях преступника особой жестокости при многочисленных ранениях сотрудникам судебно-следственного аппарата, выясняя все обстоятельства конкретного дела, необходимо учитывать

следующие существенные моменты: сознательный выбор орудия, применение которого не могло не привести к множественности ранений; длительность избиения пострадавшего, прошедшее время между нанесением первого и последнего ударов; расположение ран и других повреждений на теле жертвы, (т. е. наносились ранения в область расположения жизненно важных органов или нет); характер и локализация причиненных ранений (следует определить силу удара, глубину раневых каналов и т. п.); соотношение сил убийцы и потерпевшего; обстановку места происшествия.

Разделяя предложенную точку зрения, мы полагаем, что совокупность перечисленных обстоятельств может служить доказательственной базой в конкретном деле при установлении умысла виновного на совершение убийства либо причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью с особой жестокостью при нанесении множественных ранений.

В качестве характерного проявления особой жестокости при убийстве путем нанесения большого количества ранений можно привести следующий пример из практики Московского городского суда, приговором которого К. признан виновным в убийстве с особой жестокостью своей матери.

Преступление было совершено при следующих обстоятельствах. К., находясь по месту своего жительства, с утра стал распивать спиртные напитки. Во второй половине дня он подверг избиению свою мать. При этом, имея умысел на лишение жизни потерпевшей и проявляя особую жестокость, виновный стал наносить жертве множественные удары руками, ногами, металлической ножкой от табурета и другими неустановленными предметами по различным частям тела, в том числе и по голове. Как показал подсудимый в ходе судебного разбирательства, он начал избивать мать в маленькой комнате, но потерпевшая пыталась от него скрыться в других комнатах квартиры, на кухне, в туалете, но виновный догонял ее и продолжал избивать. Во всех комнатах

квартиры, в коридоре, на кухне, в туалете были множественные следы крови. От полученных телесных повреждений в результате избиения сыном мать скончалась к вечеру того же дня.

Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы, у потерпевшей обнаружены переломы грудины, переломы ребер слева с 3-го по 9-е, 11-го и 12-го; справа со 2-го по 12-е; три рваные раны волосистой части головы и ушной раковины, множественные кровоподтеки и 24 ссадины головы, шеи, туловища. Как отметили эксперты, тупая травма грудной клетки была причинена прижизненно и возникла вследствие многочисленных ударов, нанесенных тупыми твердыми предметами; все удары наносились прижизненно с большой и значительной силой в течение одного часа, то есть в течение длительного времени. После причинения указанных повреждений смерть наступила через длительный промежуток времени, примерно через 8-10 часов [4].

Очевидно, что все обстоятельства дела и характер действий виновного свидетельствуют о совершении преступления особо жестоким способом, а также об умысле на причинение своими действиями особых физических и душевных страданий и мучений потерпевшей матери.

Анализируя совершение убийства с особой жестокостью, нельзя не остановиться на вопросе относительно ошибочных действий виновного, когда он полагал, что причиняет пострадавшему особые страдания. Следует заметить, что в юридической литературе нет единого мнения относительно квалификации содеянного в подобных случаях.

В соответствии с точкой зрения некоторых ученых (например, Ю.М. Антоняна [5]), в случаях, когда действия преступника свидетельствовали о проявленной бесчеловечности (речь идет о нанесении множества ножевых ранений, отрубание частей тела или головы), но потерпевший фактически не мог испытывать особых мучений вследствие мгновенного наступления смерти, говорить о наличии особой жестокости нельзя. По мнению

П.Ю. Константинова, если смерть потерпевшего наступила от единичных действий, а большое количество телесных повреждений было причинено потерпевшему уже после смерти, либо потерпевший мог потерять сознание от первых ударов и не чувствовать боли, признака особой жестокости не будет [6].

Другие криминологи утверждают (Н.И. Загородников [7], К. Садреев, И. Мухамедзянов и др.), что убийство, совершенное с нанесением большого количества ранений, следует считать особо жестоким даже в том случае, когда жертва скончалась от первого удара, не испытывая особой физической боли и страданий от дальнейшего нанесения ей множественных ран в процессе причинения смерти. Так, К. Садреев и И. Мухамедзянов полагают, что мучительный для жертвы процесс лишения его жизни не является обязательным признаком убийства с особой жестокостью. Факт наступления смерти потерпевшего от первого удара может быть случайным. Авторы отмечают, что на практике нередко возникают трудности в определении момента наступления смерти, которая могла наступить и от третьего, и от десятого удара. Соответственно, нелегко установить и тот момент, когда потерпевший перестал испытывать мучения и страдания, оказавшись в бессознательном состоянии, а также выяснить, мог ли он вообще испытывать их, находясь, к примеру, в состоянии сильного опьянения. Возникают определенные трудности и при установлении факта осознания этих обстоятельств преступником. К. Садреев и И. Мухамедзянов считают, что для квалификации убийства, совершенного с особой жестокостью, достаточно установления, что виновный действовал с целью проявления особой жестокости [8].

Принимая во внимание анализ судебной практики при рассмотрении вопроса относительно действий виновного, когда тот ошибочно полагал, что причиняет пострадавшему особые страдания, мы полагаем, что выводы суда должны быть сделаны на основании исследованных ма-

териалов уголовного дела, с учетом конкретных обстоятельств совершения преступления, а также требований закона. Законодатель в п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за совершение преступления с особой жестокостью, которая, как было отмечено, связывается как со способом совершения убийства, так и с другими обстоятельствами, свидетельствующими о проявлении виновным особой жестокости. В своем постановлении Президиум Верховного Суда РФ от 13 ноября 1996 года по делу Эльберта указал, что действия лица, совершившего убийство способом, который заведомо для виновного был связан с причинением потерпевшему особых страданий, должны квалифицироваться по признаку особой жестокости [9].

Учитывая вышесказанное, считаем: если в материалах уголовного дела есть доказательства, свидетельствующие о том, что виновный желал причинить пострадавшему особые физические или нравственные страдания в процессе убийства до наступления смерти жертвы, однако таковые исключительные мучения потерпевший не испытывал вследствие своей моментальной смерти, о которой виновный не догадывался, продолжая при этом свои преступные действия, то содеянное надлежит квалифицировать как совершенное с особой жестокостью. Содеянное виновным подлежит уголовной ответственности за убийство с особой жестокостью, если преступник намеренно убивал потерпевшего в присутствии близкого ему лица, который, однако, страданий при этом не испытывал, но виновный об этом не знал.

Учитывая обоснование предложенной нами позиции по данному вопросу, полагаем невозможным согласиться с П.Ю. Константиновым, с точки зрения которого, «даже если материалами уголовного дела доказано, что виновный осознавал особо жестокий характер своих действий по отношению к потерпевшему, но обстоятельства дела свидетельствуют о том, что потерпевший не испытывал особых мучений и страданий, то виновный не

должен нести ответственность за убийство с особой жестокостью» [10].

Таким образом, для основания квалификации убийства, совершенного особо жестоким способом, необходимо, прежде всего, учитывать проявление виновным особой жестокости при совершении преступлений подобного рода. Если таковая была проявлена и осознавалась преступником в процессе совершения убийства, то, следовательно, содеянное подлежит квалификации как совершенное с особой жестокостью.

В случаях, когда сотрудники правоохранительных органов обосновывают вменение виновному совершение убийства с особой жестокостью, учитывая только нанесение большого количества ранений, существенное значение для правильной квалификации содеянного имеет заключение судебно-медицинской экспертизы трупа жертвы.

Рассматривая данный вопрос, необходимо помнить, что понятие «особая жестокость» является не медицинским, а юридическим. Поэтому при признании содеянного особо жестоким в силу причинения многочисленных ранений не имеет значения, было ли каждое из них смертельным для жертвы, а достаточно установить тот факт, что причиненные действиями преступника ранения, носившие характер особых мучений и страданий, были прижизненными. Безусловно, в подобных ситуациях необходимо учитывать все обстоятельства причинения смерти потерпевшему.

Анализ судебной практики, постановления Президиума Верховного Суда РСФСР свидетельствуют о том, что причинение ранений, повлекших длительные страдания, может быть доказательством особой жестокости убийства только при доказанности умышленного причинения таких ранений [11].

Однако в ходе изучения архивных материалов уголовных дел было выявлено, что нередко суды и сотрудники следственных органов признают убийство совершенным с особой жестокостью при отсутствии умысла на причинение по-

терпевшему особых страданий в процессе нанесения множественных ранений.

В действительности, количество ранений не всегда позволяет квалифицировать убийство как совершенное с особой жестокостью. Так, нельзя говорить об особой жестокости в том случае, если убийство произошло «в пылу драки», в результате спровоцированной потерпевшим ссоры и при отсутствии умысла виновного на убийство с особой жестокостью. Это обстоятельство мы связываем с тем, что отсутствие умысла на совершение преступления с особой жестокостью может быть обусловлено наличием возбужденного состояния преступника, вызванного провоцирующим поведением жертвы. При отсутствии оснований для признания содеянного в состоянии аффекта, в подобных случаях лишение жизни следует квалифицировать как простое убийство по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Об отсутствии умысла на убийство с особой жестокостью может свидетельствовать и то, что ранения наносились в очень короткий промежуток времени, поскольку об убийстве с особой жестокостью при множественности ранений свидетельствует, как правило, длительность процесса лишения жизни, нанесение повреждений, которые вызывают или могут вызвать исключительные боли и страдания потерпевшего.

Следует отметить, что убийство признается совершенным особо жестоким способом не только в случае нанесения большого количества ранений потерпевшему, но и при наличии иных признаков, относящихся к объективной стороне, для которых характерна особая жестокость.

При квалификации преступления по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ необходимо установить наличие именно особой жестокости в содеянном, учитывая при этом, что таковая характеризуется не только способом совершения действий виновного, но и иными обстоятельствами преступного деяния, на что обращает внимание судов высшая судебная инстанция Российской Федерации в п. 8 постановления № 1 Пленума Верховного Суда РФ «О судеб-

ной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» от 27 января 1999 года. Полагаем, что данное разъяснение применимо и к умышленному причинению вреда здоровью различной тяжести, к изнасилованию, а также насильственным действиям сексуального характера.

С нашей точки зрения, проявление особой жестокости может выражаться путем применения психического воздействия не только к жертве, но и в отношении близких пострадавшему лиц, присутствовавших на месте происшествия, которые, несомненно, будут претерпевать при этом сильнейшие душевные мучения. Таким образом, обстановка совершения преступлений подобного рода может также свидетельствовать о проявленной виновным особой жестокости.

К иным обстоятельствам, свидетельствующим о проявлении виновным особой жестокости, по нашему мнению, следует относить и причинение жертве особых психических страданий не только в процессе лишения жизни жертвы, но и до совершения убийства.

Мы подчеркивали, что причинением подобного сильнейшего психического стресса потерпевшего может послужить и обстановка совершения преступления, когда умыслом виновного лица охватывается лишение жизни, изнасилование, совершение насильственных действий сексуального характера или причинение различной тяжести вреда здоровью одной жертвы на глазах у другой, причиняя тем самым последней особые душевные страдания.

Так, по мнению С.В. Бородина, одним из признаков особой жестокости можно считать убийство нескольких лиц – одного за другим. Эту позицию в данном вопросе разделяют К. Садреев и И. Мухамедзянов, полагая, что к числу убийств с особой жестокостью следует отнести и убийства в присутствии следующей жертвы, при условии, если виновный сознавал, что второй потерпевший понимал характер его последующих действий и их направленность [12].

Полагаем, что преступление не подлежит квалификации по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ, если умыслом виновного не охватывалось причинение особых психических страданий своим жертвам, например, в случае поочередного убийства двух потерпевших в процессе взаимной драки.

Безусловно, наличие только факта убийства одного за другим двух или более лиц нельзя считать достаточным для квалификации содеянного как совершенного с особой жестокостью. В подобных случаях виновному лицу следует вменять п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Однако о наличии особой жестокости следует утверждать при умышленном убийстве одной жертвы на глазах у последующей в тех случаях, когда умыслом виновного охватывалось причинение своим жертвам особых моральных переживаний путем поочередного лишения их жизни. Несомненно, что потерпевший, осознавая характер происходящего и понимая, что его ожидает такая же участь как и предыдущую жертву, не может не испытывать при этом особых психических мучений, переживая за свою жизнь или здоровье. Однако для квалификации содеянного виновным по п. «д» ч. 2 ст. 105 необходимо установить, что виновный при этом сознательно лишал жизни потерпевших одного за другим, осознавая, что своими действиями он причиняет своим жертвам исключительные моральные страдания.

Ярким примером вышесказанному может служить уголовное дело, рассмотренное Московским городским судом, приговором которого от 18 июля 2002 г. подсудимый А. признан виновным в совершении преступлений, уголовная ответственность за которые предусмотрена ст. 105 ч. 2 пп. «а», «д», «к», ст. 111 ч. 3 п. «в», ст. 167 ч. 2 УК РФ.

Преступление было совершено при следующих обстоятельствах [13].

4 июля 2001 г., после совместного употребления спиртных напитков с М., С., П. и К., А. пошел за водкой. Когда он вернулся в квартиру, то увидел свою девушку П. полуобнаженной и лежавшей на диване рядом с М.

На почве личных неприязненных отношений, возникших вследствие якобы имевших место интимных отношений между П. и М. во время его отсутствия, имея умысел на убийство последних с особой жестокостью, А. напал на М. и стал наносить ему удары руками и ногами в лицо, голову и туловище. Затем он взял разбитую рюмку, нож и вилку и нанес ими жертве не менее 234 ударов в различные части тела. В результате от большой кровопотери на месте происшествия наступила смерть потерпевшего М.

Помешать А. никто не пытался, т. к. присутствующие знали, что он был судим за убийство и состоит на учете у психиатра. Затем А. сказал, что все они (К., П. и С.) теперь его заложники, и пообещал открыть газ и все взорвать в случае, если те попытаются что-либо предпринять. Он закрыл входную дверь на ключ, на окнах были решетки, поэтому из квартиры выйти было невозможно.

В продолжение реализации своего преступного умысла А. при нападении на П. нанес ей удар стеклянной кружкой по голове, а затем, раздвинув ей ноги, порезал половые органы, говоря при этом, что она спит со всеми. Кроме того, со словами, что теперь она будет улыбаться навеки, разрезал П. рот. В общей сложности, виновный нанес не менее 63 ударов указанными ножом и вилкой в различные части тела. В результате содеянного на месте происшествия наступила смерть потерпевшей П.

Затем А. дал С. молоток и сказал, чтобы тот бил молотком К., однако С. отказался. Тогда виновный, имея умысел на убийство с особой жестокостью С., потребовал от последнего зайти в ванную комнату. Когда С., выполнив его требование, зашел в ванную, А. нанес ему в различные части тела не менее 25 ударов молотком и не менее 9 ударов ножом.

Оставшаяся в комнате К. слышала доносившиеся из ванной удары и крик С. Вскоре в комнату вошел А. с окровавленным молотком в руках. Когда из ванной послышались звуки, свидетельствующие о том, что С. еще жив, преступник со сло-

вами: «Кто там еще у меня очнулся» пошел в ванную и нанес С. еще не менее 20 ударов молотком. В результате указанных действий на месте происшествия наступила смерть потерпевшего.

Вернувшись, А. заставил К. совершить с ним половой акт. Затем он нанес ей удар ножом в переднюю поверхность грудной клетки, причинив тяжкий вред здоровью, опасный для жизни, в виде проникающего колото-резаного ранения брюшной полости, сопровождавшегося ранением печени, и удар ножом в область правого плеча, причинив колото-резаную рану правого плеча, вызвавшую у потерпевшей физическую боль. После содеянного виновный сказал К., что убивать ее не будет, потому что она ему понравилась.

Совершив вышеуказанное, А. поджег находящееся в квартире имущество с целью сокрытия следов ранее совершенных преступлений.

Суд согласен с заключениями стационарной и дополнительной комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз, согласно которым у А. имеются признаки органического поражения головного мозга сложного генеза с психопатизацией личности. Однако признаки отставания в психическом развитии у него не обнаруживаются.

Обстоятельством, отягчающим наказание подсудимому, является наличие у него не снятой и не погашенной судимости по приговору Кунцевского районного суда г. Москвы от 4 октября 1999 г. по ч. 4 ст. 111 УК РФ к трем годам лишения свободы (А. был освобожден 17 октября 2000 г. от дальнейшего отбывания наказания на основании п. 1 акта амнистии от 26 мая 2000 г.). Однако преступление по указанному приговору А. совершил в несовершеннолетнем возрасте, следовательно, у него отсутствуют признаки рецидива преступления, предусмотренные ст. 18 УК РФ, поэтому наказание подсудимому было назначено без учета правил назначения наказания, предусмотренных ст. 68 УК РФ. На это обстоятельство указывает п. 20 действующего постановления № 1 Пле-

нума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» от 1 февраля 2011 года: «при назначении наказания несовершеннолетнему следует иметь в виду, что в соответствии с ч. 4 ст. 18 УК РФ, судимости за преступления, совершенные лицом в возрасте до 18 лет, не учитываются при признании рецидива преступлений, в том числе в случаях, когда судимость не снята или не погашена».

Смягчающими наказание обстоятельствами суд признал то, что на момент совершения преступления А. был несовершеннолетним, не вводил суд в заблуждение, чистосердечно признался в совершении преступлений, чем способствовал раскрытию преступлений и своевременному рассмотрению дела.

Несовершеннолетний подсудимый признан виновным и приговорен по совокупности совершенных преступных деяний к 8 годам 6 месяцам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима.

По мнению автора данной статьи, принимая во внимания те обстоятельства, что несовершеннолетний преступник повторно лишил жизни троих несовершеннолетних потерпевших особо жестоким способом для всех, совершая очередное убийство на глазах у последующих жертв, которым, безусловно, были причинены исключительные по силе физические и моральные страдания как до, так и в процессе совершения преступного посягательства на них, суд назначил виновному несоизмерно меньшее наказание за содеянное, поскольку в соответствии с ч. 6 ст. 88 УК РФ несовершеннолетнему возможно назначение наказания в виде лишения свободы за совершение особо тяжких преступлений на срок до десяти лет.

Об особо жестоком убийстве также следует говорить в случаях, если виновный лишает потерпевшего жизни, причиняя жертве продолжительные физические и (или) моральные страдания путем дачи чрезвычайно болезненного, медлен-

но действующего яда. Данный способ следует считать особо жестоким при установлении умысла виновного на причинение подобных страданий потерпевшему. Заметим, что при отравлении жертвы причиненные ей физические страдания могут быть как многократными, так и однократными, поскольку в последнем случае таковые не становятся менее мучительными.

Нередко при квалификации противоправного деяния приходится отграничивать убийство, совершенное с особой жестокостью, от убийства лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии.

По мнению М.К. Анианца, о квалификации по п. «г» ст. 102 УК РФ можно говорить, если убийство было совершено с особой жестокостью. Само же беспомощное положение потерпевшего, который осознает факт его лишения жизни, но в силу возраста либо других обстоятельств не может оказать сопротивления преступнику, как полагает М.К. Анианц, не является ни единственным, ни достаточным основанием для подобной квалификации [14].

Мы не можем согласиться с данной позицией ученого, поскольку беспомощное состояние лица не позволяет квалифицировать содеянное по признаку особой жестокости даже тогда, когда виновный причинял, а потерпевший испытывал особые физические или моральные страдания.

Однако иначе рассуждает Ю.М. Антонян, считая «справедливым признание убийства как совершенного с особой жестокостью в тех случаях, когда виновный при осуществлении своего намерения использует беспомощное состояние потерпевшего, который сознает, что его лишают жизни, но из-за возраста, болезни или по другим причинам не способен сопротивляться. Здесь жестокость проявляется в безжалостности и в заведомых для виновного особых страданиях потерпевшего. Не может быть признано совершенным с особой жестокостью убийство спящего человека, хотя он тоже находился в бес-

помощном состоянии, но не мог осознавать грозящую опасность. Следовательно, необходимо осознание жертвой опасности, но если этого нет в силу ее возраста, болезни и иных факторов, то нет и особой жестокости.

Последнее утверждение полностью относимо к малолетним и старикам. Многие из них из-за возраста и психических, связанных со старостью болезней не в состоянии осознать возможную гибель или увечье. Вообще, не может считаться совершенным с особой жестокостью преступление против малолетнего или престарелого только потому, что это малолетний или престарелый» [15].

Аналогичного мнения придерживается и С.В. Бородин, полагая, что «совершенными с особой жестокостью вполне обоснованно, по нашему мнению, признаются убийства и в тех случаях, когда виновный для осуществления своего намерения использовал беспомощное состояние потерпевшего, который сознавал, что его лишают жизни, но по возрасту или в силу других причин не мог оказать сопротивление... По новому УК беспомощность отнесена к обстоятельствам,отягчающим убийство, но это значения для рассматриваемого вопроса не имеет. По существу же было бы нелогично признавать особые страдания других лиц, близких к потерпевшему, в присутствии которых совершается убийство, свидетельством особой жестокости, а особые моральные страдания самого потерпевшего (ребенка, престарелого, больного), которого лишают жизни и который не может себя защитить, таковым не считать» [16].

Другой точки зрения придерживается С.И. Тишкевич, который считает, что беспомощное состояние потерпевшего, например малолетство, должно быть признано основанием для квалификации содеянного как совершенного с особой жестокостью [17].

Мнение С.И. Тишкевича нам представляется неверным, поскольку в случае убийства малолетнего ребенка либо престарелого лица, которые в силу возраста

или по другим причинам не осознают характер преступного деяния, содеянное надлежит квалифицировать по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, как убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном положении.

Разделяя в данном вопросе позицию С.В. Бородина, Л.А. Андреевой, Ю.М. Антоняна, мы также считаем, что при квалификации особо жестокого убийства потерпевшего, находящегося в беспомощном состоянии, следует исходить из того, что потерпевший должен был осознавать характер происходящего, факт мучительного лишения собственной жизни, не имея при этом возможности защитить себя, оказать сопротивление посягающему. В противном случае, когда потерпевший не осознавал происходящее, находясь в беспомощном состоянии, содеянное следует квалифицировать по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Необходимо отметить, что при совершении изнасилования либо насильственных действий сексуального характера физическим насилем принято считать воздействие на организм потерпевшей путем введения наркотиков, одурманивающих, токсических либо психотропных веществ. В таких случаях подобное воздействие рассматривается как способ приведения женщины в беспомощное состояние.

На доктринальном уровне нет однозначного мнения по поводу квалификации действий преступника, совершившего глумление над трупом после убийства.

Некоторые криминологи расчленение трупа жертвы (Н.И. Загородников), глумление над трупом, совершенное после убийства (С.В. Бородин, В.Я. Таций, Н.К. Семернева., Е.В. Ермаков, В.В. Сташис, М.И. Бажанов) относят к убийству с особой жестокостью, полагая, что это свидетельствует об умышленном проявлении особой жестокости [18].

Однако данная точка зрения представляется нам несостоятельной по следующим причинам. Во-первых, какими бы циничными действия преступника не были, как бы ни глумился виновный, в

любом случае, мертвый человек не может испытывать никаких мучений и страданий. Во-вторых, после совершения убийства общественно опасные действия по охране жизни и здоровья человека прекращаются. Говоря о глумлении над трупом, мы говорим о других общественных отношениях, предусмотренных ст. 244 УК РФ: речь идет об охране норм общественной нравственности.

Относительно глумления над трупом как проявления жестокости виновного в п. 8 постановления Пленума Верховного Суда «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» № 1 от 27 января 1999 г. дана недвусмысленная рекомендация, согласно которой «глумление над трупом само по себе не может расцениваться в качестве обстоятельства, свидетельствующего о совершении убийства с особой жестокостью. Содеянное в таких случаях, если не имеется других данных о проявлении виновным особой жестокости перед лишением потерпевшего жизни или в процессе совершения убийства, следует квалифицировать по соответствующей части ст. 105 и по ст. 244 УК РФ, предусматривающей ответственность за надругательство над телами умерших.

Уничтожение или расчленение трупа с целью сокрытия преступления не может быть основанием для квалификации убийства как совершенного с особой жестокостью».

Однако установление способа совершения противоправного деяния не всегда позволяет однозначно говорить о наличии или отсутствии особой жестокости в содеянном. Последнее обстоятельство, как правило, возможно только при выяснении субъективной стороны состава преступления.

Субъективная сторона изнасилований, а также насильственных действий сексуального характера, характеризуется наличием в действиях виновного только прямого умысла.

Пленум Верховного Суда в п. 5 постановления № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодек-

са Российской Федерации» от 15 июня 2004 г. отметил, что «при решении вопроса о том, содержится ли в действиях лица оконченный состав указанных преступлений либо лишь признаки покушения на совершение таких преступных действий, судам следует выяснять, действовало ли лицо с целью совершить изнасилование или насильственные действия сексуального характера, а также явилось ли примененное насилие средством к достижению указанной цели, которая не была осуществлена по не зависящим от него причинам. При этом необходимо отличать покушение на изнасилование от насильственных действий сексуального характера, а также покушений на преступления, предусмотренных статьями 131 и 132 УК РФ, от оконченных преступлений, подпадающих под иные статьи УК РФ, предусматривающих ответственность за преступления против здоровья, чести и достоинства личности».

Если установлено, что умыслом лица охватывалось совершение им изнасилования и насильственных действий сексуального характера с особой жестокостью в отношении одной и той же потерпевшей в любой последовательности, содеянное следует оценивать как совокупность преступлений, предусмотренных соответствующими квалифицирующими признаками вторых частей ст. 131 и 132 УК РФ. При этом не имеет значения, был ли разрыв во времени в ходе совершения в отношении потерпевшей изнасилования и насильственных действий сексуального характера.

Относительно субъективной стороны преступлений против жизни и здоровья, совершенных с особой жестокостью, криминологи высказывают различные мнения.

В доктрине уголовного права существует точка зрения, согласно которой убийство с особой жестокостью совершается только с прямым умыслом на убийство и со специальной целью, а именно: не просто лишить потерпевшего жизни, а заведомо особенно жестоко поистязать, помучить свою жертву до того, как та бу-

дет окончательно убита. В случаях, когда виновный не знал, что своими действиями причиняет потерпевшему в процессе лишения жизни особые страдания и мучения, преступление нельзя считать совершенным с особой жестокостью [19].

Однако данное мнение нам представляется не вполне приемлемым, поскольку мы полагаем, что совершение убийства с особой жестокостью возможно как с прямым, так и с косвенным умыслом.

Значительно раньше свое мнение относительно субъективной стороны рассматриваемого состава преступления высказывали ученые [20], обращая внимание на то обстоятельство, что виды умысла виновного на лишение жизни и его отношение к особой жестокости могут не совпадать. Сторонники этого подхода рассматривают возможные случаи совершения убийства с прямым умыслом и безразличным отношением к особой жестокости, свидетельствующим о косвенном умысле.

Полагая, что убийство может быть совершено с двумя не совпадающими по отношению к убийству и проявлению особой жестокости умыслами, Н.И. Загородников, М.К. Анианц и др., вместе с тем, считают, что специальная цель причинения особых мучений не является обязательным признаком совершения убийства особо жестоким способом. В том случае, когда преступник не имеет подобной специальной цели, однако заведомо совершает убийство именно особо жестоким для жертвы способом с применением соответствующих средств и орудий, усиливающих ее страдания, содеянное подлежит квалификации по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ как совершенное с особой жестокостью [21].

Однако автор статьи придерживается точки зрения тех правоведов, по мнению которых решение вопроса о виде умысла относительно проявленной особой жестокости в содеянном изначально является неверным. Так, по мнению С.В. Бородина, наличие любого умысла, как прямого, так и косвенного, свидетельствует о предвидении и факте осознания виновным воз-

возможности наступления результатов совершаемого незаконного особо жестокого деяния [22].

К. Садреев и И. Мухамедзянов подчеркивают, что наличие умысла уже предполагает, что виновный сознает все фактические обстоятельства деяния, характер своих действий, а также их последствия. С их точки зрения, виновный не может, например, сознательно допускать возможность наступления смерти потерпевшего и одновременно желать его смерти с особыми мучениями. Поэтому авторы пришли к выводу, что для квалификации содеянного как убийства с особой жестокостью достаточно установить, что виновный сознавал, что он совершает убийство с особой жестокостью [23].

Этой же позиции придерживается и Л.А. Андреева, утверждая, что для квалификации содеянного виновным как убийства с особой жестокостью необходимо доказать, что субъект осознавал причинение жертве особых страданий [24].

Как нам представляется, убийство, а также причинение вреда здоровью различной тяжести следует считать совершенными с особой жестокостью во всех случаях, когда виновный сознавал факт причинения особых физических или нравственных страданий жертве или иным лицам, то есть действовал умышленно.

Несомненно, разработанные уголовно-правовой наукой положения относительно субъективной стороны состава преступления, ответственность за которое законодатель предусматривает в п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ, играют существенную роль в работе правоприменителя, однако первостепенное значение сотрудники судебной системы придают руководящим разъяснениям постановлений Пленумов Верховных Судов по уголовным делам. Заметим, что вопрос об отношении виновного к содеянному при совершении преступления с особой жестокостью всегда рассматривался высшими судебными инстанциями.

Так, Пленум Верховного Суда СССР своим постановлением «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике по делам об умышленном убийстве» от 3 июля 1963 г. обратил внимание судов, что признак особой жестокости законом связывается не только со способом убийства, но и с другими обстоятельствами, свидетельствующими о том, что виновный действовал с умыслом, направленным на совершение преступления с особой жестокостью.

Позднее, в постановлении № 4 Пленума Верховного Суда СССР «О судебной практике по делам об умышленном убийстве» от 27 июня 1975 г. особая жестокость рассматривалась как со способом, так и с другими обстоятельствами, свидетельствующими о проявлении виновным особой жестокости.

Аналогичное указание было дано судам и в постановлении № 15 Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об умышленных убийствах» от 22 декабря 1992 г., согласно которому понятие особой жестокости связывается как со способом убийства, так и с другими обстоятельствами, свидетельствующими о проявлении виновным особой жестокости.

Нельзя не отметить, что постановлением № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» от 27 января 1999 г. Пленум Верховного Суда РФ, помимо разъяснения судам связывать понятие особой жестокости как со способом убийства, так и с другими обстоятельствами, свидетельствующими о проявлении виновным особой жестокости, в п. 8 обратил внимание правоприменителя на дополнительную рекомендацию, имеющую существенное значение: для признания убийства совершенным с особой жестокостью необходимо установить, что умыслом виновного охватывалось совершение убийства с особой жестокостью.

Как видим, во всех приведенных постановлениях пленумов Верховного Суда понятие особой жестокости связано как со способом совершения противоправного деяния, так и с другими обстоятельст

ми, свидетельствующими о проявлении виновным особой жестокости. В действующем постановлении от 27 января 1999 г. Пленум Верховного Суда РФ не конкретизирует вид умысла виновного, подтверждая, таким образом, доктринальную позицию, в соответствии с которой особая жестокость может охватываться как прямым, так и косвенным умыслом преступника. Согласно данному постановлению, основой которого являются достижения уголовно-правовой науки и анализ судебной практики в данном аспекте изучаемой проблемы, убийство признается совершенным с особой жестокостью, когда обстоятельства дела свидетельствуют об отсутствии прямого умысла на убийство и специальной цели на истязание потерпевшего, проявляя тем самым особую жестокость к жертве или иным лицам, присутствующим на месте происшествия. Последнее обстоятельство может быть выражено и в причинении многочисленных ранений потерпевшему.

Как верно подчеркнул А.Н. Попов, в том случае, «если виновный действовал с косвенным умыслом, допуская смерть и особую жестокость своего деяния, нанося потерпевшему множественные ранения, повлекшие его смерть, то содеянное должно квалифицироваться как убийство с особой жестокостью. Для ограничительного толкования закона, т. е. применения п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ только в тех случаях, когда виновный действовал с прямым умыслом на убийство и специальной целью причинения особых страданий (с целью истязания), нет законных оснований» [25].

В любом случае, законодатель, выделяя особо жестокий способ совершения убийства в качестве квалифицирующего признака, указывает на то обстоятельство, что при совершении подобного противоправного деяния умыслом виновного лица охватывалось причинение особых излишних мучений жертве либо близким ей лицам, присутствующим на месте происшествия, как в процессе убийства потерпевшего, так и до начала совершения такового. Преступник должен осоз-

навать факт совершения убийства именно особо жестоким способом, предвидеть последствия в виде претерпевания особых физических или моральных страданий в процессе лишения жизни, либо желать, либо допускать их, либо относиться к ним безразлично.

Умышленное деяние лица, направленное на совершение убийства с особой жестокостью, но не повлекшее смерти потерпевшего по не зависящим от виновного лица обстоятельствам, в силу ч. 3 ст. 30 УК РФ должно признаваться покушением на убийство с особой жестокостью, поскольку виновное лицо осознанно приступило к выполнению объективной стороны анализируемого состава преступления.

При наличии у лица, причинившего тяжкий вред здоровью особо жестоким способом для потерпевшего, вследствие чего наступила его смерть, умысла на лишение жизни, виновный подлежит уголовной ответственности за умышленное убийство независимо от того, сразу или спустя более или менее продолжительное время после причинения вреда здоровью наступила смерть потерпевшего. Из данного положения вытекает, что умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни, причиненного с особой жестокостью, когда виновный сознавал возможность наступления смерти потерпевшего, но не желал, а лишь допускал ее наступление, то есть действовал с косвенным умыслом, следует квалифицировать по наступившим последствиям по п. «б» ч. 2 ст. 111 УК РФ.

Литература

1. Кузнецова Н.Ф. Вопросы квалификации умышленного убийства // Вестн. МГУ. Сер. Право. 1961. № 2. С. 44-45.
2. Анианц М.К. Ответственность за преступления против жизни по действующему законодательству союзных республик. М.: Юрид. литература, 1964. С. 58-59.
3. Тишкевич С.И. Квалификация преступления против жизни. М., 1991. С.49-

50; Попов А.Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 407.

4. Архив Московского городского суда (дело № 2-186/2000).

5. Антонян Ю.М. Понятие особой жестокости и преступления с особой жестокостью // Социалистическая законность. 1990. № 9. С. 53.

6. Константинов П.Ю. Влияние жестокости преступного поведения на квалификацию убийства // Законность. 2001. № 9. С. 8.

7. Загородников Н.И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву. М., 1961. С. 176.

8. Садреев К., Мухамедзянов И. О квалификации умышленных убийств, совершенных с особой жестокостью // Социалистическая законность. 1981. № 10. С. 52.

9. Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / сост. С.В. Бородин, А.И. Трусова; под общ. ред. В.М. Лебедева. М.: Спарк, 2001. С. 435-436.

10. Константинов П.Ю. Влияние жестокости преступного поведения... С. 9.

11. Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации. С. 443-445.

12. ив жизни, М., 1999. С. 113.

Садреев К., Мухамедзянов И. О квалификации умышленных убийств... С. 52.

13. Архив Московского городского суда (дело №2-276/2002).

14. Анианц М.К. «Указ. соч.» С.63.

15. Антонян Ю.М. Понятие особой жестокости... С. 8152.

16. Бородин С.В. Преступления против жизни. М., 1999. С. 112-113.

17. Тишкевич С.И. «Указ. соч.» С.50.

18. Загородников Н.И. «Указ. соч.» С.177; Бородин С.В. Ответственность за убийство с особой жестокостью // Советская юстиция. 1965. № 4. С.2;

Таций В.Я. Понятие особой жестокости как квалифицирующего признака убийства // Вопросы государства и права. 1974. № 2. С. 33.

19. Чечель Г.И. Жестокий способ совершения преступлений против личности. Нальчик: Нарт, 1991. С. 22.

20. Зыков В. Особая жестокость как обстоятельство, квалифицирующее убийство // Советская юстиция. 1969. № 6. С. 16.

21. Загородников Н.И. «Указ. соч.» С.175.

22. Бородин С.В. Значение субъективной стороны убийства с особой жестокостью для его квалификации // Социалистическая законность. 1986. № 8. С. 47-49.

23. Садреев К., Мухамедзянов И. О квалификации умышленных убийств... С. 53.

24. Андреева Л.А. Квалификация убийств, совершенных при отягчающих обстоятельствах: моногр. / С.-Петербург. юрид. ин-т Генер. прокуратуры РФ. СПб., 1998. С. 16.

25. Попов А.Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 407.